

**Авраам
Мапу**

**Сионская
любовь**

В переводе Дана Берга

18+

Авраам Мапу
Сионская любовь

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Мапу А.

Сионская любовь / А. Мапу — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Действие происходит в древнем Иудейском царстве. Роман повествует о романтических чувствах двух нежных сердец. На тернистом пути к вожденному союзу юноша и девушка встречают многочисленные препятствия. Судьба бережет любовь, и в конце книги молодые люди преодолевают все препоны и соединяются в счастливом браке. Автор предлагает читателю увлекательный детективный сюжет. Еще одна тема произведения – любовь к родине. Перевод с иврита: Дан Берг.

© Мапу А., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Авраам Мапу

Сионская любовь

Предисловие переводчика

Авраам Мапу родился в семье еврейского учителя в 1808 году в селе Слободка (ныне в черте города Каунаса) и умер в 1867 году в городе Кенигсберге (ныне Калининград). Авраам обладал блестящими способностями к учению. В молодые годы самостоятельно изучил несколько языков – латинский, французский, немецкий. Его знание Библии и талмудической литературы отличалось незаурядной глубиной. Будущий писатель увлекался каббалой. В последствии примкнул к движению просвещения. Как и отец, Авраам зарабатывал на жизнь учительствованием. Этот труд он совмещал с литературным трудом. Сочиненные им романы написаны на иврите.

Самое известное произведение Мапу – роман “Сионская любовь”. Вещь вышла в свет в 1853 году и была переведена на различные еврейские языки: идиш, ладино, языки бухарских и арабских евреев. В 19 и в начале 20 века роман переводился на французский, английский, немецкий и русский языки. Книга приобрела большую популярность в Европе и на Востоке. Известны переработки вещи для сцены. Интерес к роману не угас и по сей день. Последнее его издание на английском языке появилось в 2006 году.

“Сионская любовь” – это, прежде всего, книга о любви двух юных сердец. Действие происходит на историческом фоне древнего иудейского царства в 7-8 веках до н.э. – время вторжения ассирийских завоевателей в Иудею и эпоха борьбы с язычеством в еврейской среде. Сложный сюжет, романтика и героика, величие природы, столкновение добрых и злых сил, счастливая развязка – вот некоторые черты этого увлекательного романа.

Важной особенностью произведения является его библейский язык. В текст романа щедро вкраплены перефразированные выражения из Библии. Вдохновенный патристическим и благородным звучанием древних писаний, Мапу создал вещь, далеко выходящую за рамки любовно-исторического жанра. Как глубокий и неоднозначный библейский язык, так глубоко и неоднозначно произведение Авраама Мапу. Устами героев романа обсуждаются вечные моральные проблемы: добро и зло, праведность и греховность, вера и безверие, реальность и мистика, щедрость и алчность, гордость и унижение. Зачастую в белом присутствует черное, а в черном – белое. Характеры и поступки героев порой противоречивы и непоследовательны и потому жизненны. Книга эмоциональна и поэтична.

Роман “Сионская любовь” традиционно считается достоянием еврейской литературы, но, поскольку в основу произведения положены мотивы общечеловеческие, интерес к нему не ограничивается национальными рамками.

Стоит заметить, что имена и географические названия, которые употребляются в русском языке относительно часто, сохранены в их привычном русском звучании: пророк Исая, город Иерусалим. Имена и названия, упоминаемые реже, даны в их оригинальном произношении на иврите, например, царь Хизкияу (по-русски Езекия), город Бейт Лехем (по-русски Вифлеем) и так далее. Название “Сион” используется в романе, как синоним Иудеи. Для понимания исторической части романа следует принять во внимание, что Иудея в период царствования Хизкияу в основном приняла идею единого Бога. Иудеи противопоставлены верные язычеству окружающие царства и города, например, Шомрон (Самария).

Переводчик стремился донести до читателя художественную ценность оригинала, а также передать его стиль – то возвышенный, то поэтический, то простой разговорный. Предпринята попытка создать такой перевод, который одновременно был бы близок сегодняшнему читателю и сохранял бы дух древности и образность языка источников, на которые опирался автор романа.

Переводчик выражает надежду, что плод его труда привлечет внимание современного русскоязычного читателя к практически неизвестному ему роману, литературные достоинства которого не обесценило время.

Дан Берг

*Любит Господь врата Сиона.
Псалмы, 86, 2.*

*Внутри он застлан любовью
дочерей Иерусалима.*

Песнь песней, 3, 10.

Глава 1

Воевода Иорам и его окружение

В те года, когда правил Иудеей царь Ахаз, известен был в Иерусалиме воевода по имени Иорам.

Под началом Иорама – войско в тысячу воинов. Богат он и владеет полями и виноградниками на Кармеле и в Шароне, и принадлежат ему стада крупного и мелкого скота в Бейт Лехеме, и казна его полнится золотом и серебром, а жилища украшены слоновой костью, и не счесть в них всякого добра.

А еще, есть у Иорама две жены. Одна из них – Хагит, отца которой зовут Ира, а вторая – Наама. Иорам любит Нааму за красоту. Ревность Хагит не утихает, горе и злоба переполняют сердце ревнивицы: ведь Хагит родила двух сыновей, а у соперницы детей вовсе нет. Зато Наама, что ни скажет и что ни сделает – все хорошо, все в радость. Иорам построил для нее отдельный дом, чтобы уберечь от злых помыслов соперницы.

У Хагит есть служанка, ханаанская невольница, зовут которую Хэла. Иорам отдал ее в жены своему рабу и домоуправителю по имени Ахан.

Друг воеводы, Иядидья по прозвищу Щедрый, крепче брата привязан к Иораму. Сам Иядидья – царских кровей, служит у царя Ахаза управляющим монаршим имением, человек достойный и праведный, молодой и богатый. Знают его, как заступника тех, кто ведает и проповедует слово Божие, ибо велико его пристрастие к чудесной их мудрости, и он слушает и мотает на ус. Великодушными дарами Иядидья скрашивает их бедность, за что и прозвали его Щедрый.

Времена царствования Ахаза – времена лжи и порока. И лишь Иорам и Иядидья, верные друзья, возвышаются над серой толпой и сияют над ней бесценными алмазами. Чем чернее ночь, тем заметнее огонек вдали. Часто видят обоих среди тех, кто знает слово Божие, кто не расстается с писаниями сына Амоца, пророка Исаяи, что впитал в себя Учение Господа.

Матан сватается к Хагит

Теперь скажем о судьбе по имени Матан. О том самом, отец которого, Иозавад, заработал прозвище Притеснитель. Матан прилепился к Иораму и стал советчиком в делах. Приходит Матан к воеводе словно бы с любовью и открытой душой, но тайно в сердце своем пестует злобу. И это с того самого дня, как возлюбленная его Хагит стала женой воеводы.

За Иозавадом Притеснителем идет слава корыстолюбца, грабящего и угнетающего слабых. Богатство он нажил не по закону и не по справедливости. Высокомерный, он и грубой силы не гнушается и принародно побивает дерзнувших спорить с ним. И никто из потерпевших от жестокого тирана не вернул свое добро.

Среди судившихся и рядившихся с ним был и Ира, отец Хагит. Тяжба велась из-за плодородного поля, целиком принадлежавшего Ире, лучший участок которого незаконно присвоил Притеснитель.

И совпало так, что в дни, когда свершилась сия несправедливость, Матан, сын обидчика, узнал и полюбил Хагит, дочь обиженного. А еще добавим, что алчный стяжатель успел к тому времени состариться и одряхлеть, и не забудем упомянуть также, что юная в ту пору Хагит девичествовала в отцовском доме.

Вот однажды говорит Матан своей возлюбленной Хагит: “Отец мой стар, и уж не за горами дни траура по нем. Я же – единственный наследник огромного богатства. Когда свершится неминуемое, я верну твоему отцу его законное поле и прибавлю еще кусок, что с ним граничит. Об одном лишь молю: сжался над муками моей страсти и воздай ей юной любовью своей”.

Матан не получил прямого ответа Хагит. По приказанию Иры, отца, она не смела лишать Матана надежды, но поступала так вопреки сердцу, ибо оно принадлежало воеводе Иораму, и уж успела она подарить ему свои ласки. Ира же наставлял дочь на одно, а в тайне метил на другое: воеводу хотел в зятя.

Пришло время, и Иозавад Притеснитель умер на радость Матана, сына. И множество обиженных ликовали по смерти злодея. Надеялись, сын вернет награбленное отцом. Но скоро убедились: в жилах наследника течет отцовская кровь.

Явился Матан к Ире, отцу Хагит.

– Умер мой родитель, с которым ты тягался. Забирай назад свое поле и смежное с ним в придачу в счет двух урожаев, что незаконно собрал и присвоил покойный. И знай: я горячо люблю твою дочь. И если считаешь меня достойным себя, назначь, какой хочешь, выкуп за невесту, любые требуй дары – я готов, лишь отдай мне в жены Хагит.

– Слушай меня, Матан. Родитель твой при жизни обижал слабых и грабил неимущих, и посему тяжелым жерновом придавит тебя вечное проклятье. Какой отец отдаст дочь за человека всем ненавистного? Так вот, если ты и впрямь желаешь стать моим зятем, сделай, как я хочу. Созови к себе всех утесненных и верни им награбленное отцом твоим. Только так отдашь людскую обиду.

– О, милейший господин мой, неслыханно дорогую цену, однако, запросил ты за дочь свою! Но знай, Хагит мне всего дороже. За ценой не постою.

– Если и впрямь поступишь по моему слову, отдам тебе в жены Хагит, лишь истекут дни траура.

Довольным покинул Матан дом Иры и немедленно принялся исполнять его волю. К вечеру созвал в дом всех прежде обиженных и при верных свидетелях обратился к людям с такими словами: “Вы – презренные, ибо хоть и безгрешны, но и добродетелей за вами нет. Вы – несчастные и неуспешные, жизнь потратили на тяжбу с отцом, но руки были коротки вернуть утраченное. По смерти его пытались меня склонить на милость, но тщетно: я и слушать не стал. Никто не решился вступить со мной в спор, ибо отлично известно вам, что и я, как и родитель мой, к силе прибегну, и не один не уцелеет, кто дерзнет принародно перечить мне. И вот, я добровольно возвращаю вам добро ваше. Примите в расчет, не силой или умом достигли вы цели, а лишь по праву доброты моей, и честности моей, и прямоты сердца моего. Я Бога боюсь, и посему вы обретаете разом недоступное прежде годами”.

Услыхав такое, приглашенные принялись восхвалять благодетеля. Пировали и радовались всю ночь напролет и, счастливые, разошлись по домам. А Матан, к всеобщему изумлению, в точности исполнил обещанное, и люди поразились праведности его и с трудом верили своим глазам и ушам. У городских ворот при стечении народа горожане восславили прямоту Матана и провозгласили его судьей.

Пришел срок, назначенный Ирой, и предстал перед ним Матан, чтобы получить причитающееся. И вот, страшная боль пронзила сердце его, когда узнал, что желанная и возлюбленная исчезла. “Я сгораю от стыда, ибо Хагит тайком от меня отдала свои прелести воеводе Иораму”, – сказал Ира. И ясно стало Матану, что хитрец Ира обманул его, а Хагит – лжива и коварна, а праведное деяние, им свершенное, назад не вернуть. Бессилие утешается ненавистью. Злоумышление, что родилось в ту минуту в душе его, Матан скрыл, а вслух же сказал другое.

– Видно, Господь предназначил дочь твою Иораму. Ну, а я не удостоился воздаяния за свершенное благо. Однако, вступивши на путь добра, не сверну с него, и одеяние праведности – не сниму. И дай Бог видеть мне дочь твою счастливой в доме Иорама.

– О, Матан, воистину достоин ты благодарности и восхваления людей честных и прямодушных. Прошу тебя, присовокупи еще милость к твоей милости и пойди со мной в дом к Иораму и прости и ему и дочери моей, воздавших злом за добро и разбивших сердце твое, ибо непрощенный грех омрачает им радость, – сказал Ира, взявши Матана за руку.

– Давай, пойдём, – кратко ответил Матан. А Ира подумал: “Не от большой радости люди лицемерят”.

Пришли оба к Иораму, и Ира поведал ему о благодеяниях Матана и о том, как тот простил воздаяние злом.

– Я смотрю на тебя, как на Бога. Я вижу, ты верен мне и любишь меня, я же отвечу любовью, что проникнет в глубину сердца твоего, – сказал Матану Иорам, воевода. С тех пор Матан стал Иораму другом и братом, но в душе носил зло, и вожделем погубить его и лишь ждал случая.

Женитьба Иядидья на Тирце

Хананэль – один из правителей колена Эфраима. Хоть живет он в Шомроне, но всякий праздник приходит в Иерусалим, чтобы явиться перед лицом Господа. Раз отправился Хананэль на торжества праздника Суккот, а с ним дочь его Тирца, девица стройная и прелестная лицом. Лет юной Тирце – семнадцать. Сыновья воевод и богачей глаз от нее отвести не в силах, так она им желанна.

Вот и Иядидья, друг Иорама, воспылил сердечной страстью к красавице Тирце. Богатый Иядидья устроил пир и созвал всех своих – тех, кто Бога почитает, учеников пророков, Иорама с женами и, конечно, Хананеля с дочерью. Иядидья захмелел от вина и заговорил.

– Как много прекрасного видит глаз человека здесь в нашем Сионе! Пусть же и дочь твоя станет одним из его украшений и как роза заалееет в сионских горах! – высокопарно обратился он к Хананелю.

– Я хочу, чтобы деревце мое пышно расцвело в чудном плодоносном саду, изобильно напоенном росой Божьей благодати, – в тон Иядидье ответил Хананель.

– Вот я и стану для твоей дочери этим чудным плодоносным садом. Ты своими глазами видел, что щедро одарен я Божьей милостью, и много тучной земли отмерил мне Господь и удостоил меня большим богатством, – продолжил Иядидья.

– Уж год обивают порог моего дома богатые и знатные из колена Эфраима и просят отдать им Тирцу. Но дочь моя отвернулась от людей этих и богатства их не желает. “Они погрязли в грехе, идолам поклоняются и мерзки мне. Я хочу человека из Иудеи, из самого Иерусалима. К такому тянется душа”, – так говорит юная Тирца. Потому я и привез ее сюда в Иерусалим выдать за того, кто полюбит ее. А сейчас, ты, Иядидья, поговори с девицей, и, если придешься ей по сердцу – мое и Божье вам благословение, – сказал Иядидье отец Тирцы.

– Скажи мне, нежная душа, что значат в глазах твоих Сион и его люди? – обратился Иядидья к Тирце.

– Сион – как райский сад, а жители его – как ангелы Господни, – ответила Тирца.

– О, Тирца, ты пробуждаешь во мне гордость, ведь и я житель Иерусалима! – воскликнул Иядидья.

– Всякий иерусалимец может гордиться собой, если только похож на тебя, – сказала Тирца.

– Уж и то не мало, что деяния мои чистыми и честными видят твои глаза, но хочу, чтоб не только глаза, но и душа, мной любимая, узрела деяния эти да и силу мою, – продолжил с надеждой Иядидья.

– О, душу эту благословит Бог! – выпалила Тирца.

– Любезная моя, ведь это твоей душе благословение от Бога и от меня!

– А коли так, мой господин, то обратись к отцу моими устами, а что твои уста изрекут, о том думает сердце мое, – с чудной прелестью девичьего стыда пролепетала Тирца.

– Как красноречива ты, Тирца, как благозвучны твои слова!

– Красноречие в сути слов, а не в словах.

Пока Иядидья и Тирца говорили между собой, к ним подошел Хананель.

– Хочу, чтобы знала ты, дочь, что у меня на уме: человек, что стоит перед тобой, достойнейший из людей, которых я в своей жизни встречал, – обратился отец к Тирце.

– Дорогой Хананель! Дочь твоя, нежное создание, смотрит на меня другими глазами. Я, иерусалимец, житель Сиона, кажусь ей ангелом небесным, – усмехнулся Иядидья.

– Значит, я – ангел, посланный Богом, дабы соединить ваши сердца и благословить вас перед Господом нашим, обитель которого – Сион, – сказал Хананель.

Тут обратилась Тирца к Иядидье.

– Вот, я нашла тебя, единственного, и хочу быть твоей единственной. А что до меня, я вся принадлежу тебе, – сказала юная девица.

– О, нежное создание, единственной будешь у меня, а иначе сладким не станет наш брак.

Эти слова скрепили союз. Иядидья щедрой рукой одарил сынов пророков, и на следующий день Тирца стала Иядидье женой.

Хананель согласился жить у зятя в Сионе целый год. Сердце отца переполняла радость при виде счастья горячо любимого чада.

Иорам уходит на войну

К концу года пребывания Хананеля в Сионе филистимляне вторглись в Иудею, Негев и на холмы Шфела. Захватили города и дочерей их. Иорам, как и другие воеводы, готов был выступить на войну с филистимлянами. Хагит, жена его, родила в те дни третьего сына и нарекла ему имя Азрикам, что значит “Бог поможет сокрушить восставших на нас”. В это же самое время Хэла, служанка Хагит, родила сына мужу своему Ахану, рабу и домоуправителю Иорама, и назвала новорожденного Наваль.

Хагит велела служанке Хэле отдать Наваля одной из рабынь, а самой выкармливать Азрикама. И Ахану, отцу Наваля, обидно стало за сына.

К тому времени Наама, любимая жена воеводы, наконец, понесла, и любовь Иорама возгорелась еще сильнее. Понесла и Тирца, юная супруга Иядидьи.

Иорам призвал верного друга Иядидью в свой летний дом, что на Масличной горе, и говорит: “Завтра я уйду на войну, и, кто знает, вернусь ли к родному очагу. Давай, друг, заключим промеж нами нерушимый договор, да такой, что и отпрысков наших обяжет. Если судьба мне погибнуть, или буду пленен врагом, стань попечителем всех моих и всего моего. Опекай детей и распоряжайся имуществом по здравому и честному твоему разумению.

Прошу лишь, не утесняй Ситри, одного из сынов пророков, что живет в моем имении на Кармеле, и его престарелого брата Авишая. Ибо это люди богобоязненные и к тому же кровные родственники супруге моей Нааме. Жены наши беременны, и, если одна из них родит сына, а другая – дочь, соедини брачными узами юные сердца. Коли крепка наша с тобой любовь, и

коли жены наши, Наама и Тирца полюбились друг другу, сколь же горячей будет любовь детей наших!

Урожай, что принесут мои угоды на Кармеле, пусть питает сынов пророков, знатоков Слова Божьего. Всякий праздник накрывай столы для четырехсот гостей – бедняков, сирот и вдов, как я это делал. И последнее, друг мой Иядидья, этот летний дом я приношу тебе в дар”.

Так ответил Иядидья: “Ничто вещественное в мире нельзя сравнить с любовью. Но, если вещь напоминает о чувстве, она бесконечно дорога для верных любящих друзей. Прими от меня это кольцо и укрепи его на правой руке. Пусть сей памятный дар хранит неколебимой нашу дружбу. И да возвратит тебя Бог с миром, а уж мы возблагодарим Господа жертвоприношениями нашими. И в этом летнем доме будем радоваться и веселиться и мы с тобой, и чада наши, и домочадцы!” Тут друзья обнялись и на этом расстались.

Назавтра с восходом солнца Иорам созвал своих домашних, всех благословил и жен расцеловал. Слезы выступили у него на глазах, как обнял Нааму. Но пора воеводе в поход.

Дурная весть

Пришел срок, и Тирца родила мужу своему Иядидье дочь и назвала ее Тамар. Отец Тирцы, Хананель, велел мастеру ювелиру изготовить кольцо и вырезать на нем свое имя и имя Тамар. Он вручил это кольцо Тирце и сказал: “Это – знак для твоей дочери Тамар. Когда вырастет внучка – наденет кольцо”.

Еще месяц прожил Хананель в Сионе, а потом вернулся к себе в Шомрон.

А вскоре гонец принес весть: воевода Иорам попал в плен к филистимлянам. Дом Иядидьи погрузился в печаль. Наама плачет и плачет и, горюя, доставляет великое утешение Хагит. И та, повременив немного, говорит: “Более не станет Наама возноситься надо мной, я теперь госпожа!” И поставила на своем. Подчинила своей власти всех слуг, и если кто перечит ее слову, того жестоко карает хозяйка. А Наама не замечает перемен, ибо душа ее ослепла от горя.

Безмерно страдает от жестокой руки Хагит служанка ее Хэла. Словно худшую рабыню срамит и позорит, мучает и бьет она служанку. Ахан же, муж Хэлы, терзается обидой за жену, но боится молвить слово, закусит губу и молчит. Униженный и робкий сердцем, все думает, как бы утешить две страдающие души, его и жены.

Глава 2

Заговор

Матан, судья, был ранен в самое сердце, когда узнал, что не доверился ему Иорам и Иядидью назначил управлять имением и угодыми. Завидовать стал Иядидье и рад был известию о пленении воеводы. Легче сносить муки, когда знаешь, что врагу еще хуже. “Я долго ждал, и вот он день, что возложит к порогу Иорама жатву зла”, – подумал.

Матан явился в дом воеводы и, не скупясь на слова, жалел и утешал жен его Нааму и Хагит. А сердце ликует: вдовствует при живом муже коварная Хагит, соломенная вдова.

Раз навестил Матан дом Хагит и видит – та бьет служанку, и с каждым ударом гнев госпожи растет. Хозяйка заметила гостя и отпустила несчастную. “Обязанность этой негодницы – выкармливать моего сына Азрикама. Но стоит лишь отвернуться, как и след ее простыл, торопится кормить Навалья, мерзкое дитя свое”, – объясняет Матану Хагит.

Ахан стоял поблизости и видел, как бьют и унижают жену, и со слезной жалобой обратился к Матану: “Рассуди, господин мой. Я вижу, сынок-младенец лежит в колыбели всеми служанками брошенный и беспрестанно кричит, голодный, и требует материнскую грудь. Уж если чем и согрешила Хэла, готов вместо нее побои принять!”.

Услыхав дерзость, негодую и с презрением, бросила Ахану Хагит: “Ты – жалкий раб, своей волей отверг свободу! Разве муж мой Иорам не давал тебе волю, уходя на войну? А ты что ответил? Мол, люблю тебя, мой господин, и жену мою люблю, и сыночка. А посему замкни рот на замок, а то и впрямь тебя угощу!” Матан промолчал, но про себя подумал: “Пожалуй, раздую-ка я этот тлеющий костер, пусть запылает ярким пламенем.

Ночью Ахан пришел в дом к Матану.

– Ты сам видел и слышал, господин мой, как извратили суд надо мной. Выходит, муки и смерть – и есть удел слуг и рабов? – спросил Ахан.

– Огнем гнева пылает твоя душа, Ахан. Пусть это пламя испепелит все жилища господина твоего Иорама, пусть сгорят вместе с их обитателями! Не гоже забывать рабу, что хозяин его смертен. Вспомнишь об этом, и, глядишь, гнев твой с дымом улечется!”, – ответил Матан.

В глазах Ахана блеснула искра ликования.

– Господин, ты душу открываешь свою, или насмехаешься надо мной?

– Невежда и глупец! Я стану насмехаться над неимущим и униженным, вроде тебя?

– Почему умолкло доброе сердце Наамы, и свирепствует бесовка Хагит? – воскликнул Ахан.

– Сперва послушай мой совет, а уж потом вопрошай, – сказал Матан и принялся излагать план.

– Подожги дом, где живет Хагит, и дом, где живут служанки и рабы. Но прежде сына своего Наваля спаси. Примут его за Азрикама, сына Хагит. Обоим отроду не более месяца. Иядидья и Тирца подмены не заметят: так ненавидят они проклятую Хагит, что на дитя ее смотреть не желали. Дом Наамы огню не предавай, пусть заподозрят ее в тяжком грехе. Люди скажут о ней: “Пламя ревности пожрало дом Иорама”. А я заготовил хитрость, как спасти Нааму. Но не будет ей дороги назад.

Ни Хагит, ни Азрикама – никто не останется в живых из дома Иорама. Наваля, которого Азрикамом станут звать, унаследует богатства твоего господина – и поля, и виноградники, и сады, и винные погреба. Богатая жатва, не так ли? А уж после жатвы, колоски в поле я по бедности своей подберу. Еще до того, как запалишь огонь, ты заберешься в казну Иорама и опустошишь ее. А я подошлю двух верных людей – Хэфер и Букья их имена – два хитрых мошенника, что умеют пустить людям пыль в глаза и казаться прямыми и честными. Им вручишь все сокровища, а уж они доставят их мне. Вот тебе ключ от казны. Когда я был в доверии у Иорама, сделал себе ключ в точности, как у него. Не из-за воеводы ли этого я растерял наследие отца? Вот и возместят мне его золото и самоцветы давние утраты – богатство и Хагит.

Затрепетало сердце Ахана.

– Послушаться твоего совета – прямой путь в преисподнюю, – со страхом и ликованием вскричал Ахан, вскочив со своего места.

– Ничего не бойся и укрепись духом. Гордись собой, ты храбрее хозяина: чтобы войти в заговор, нужна неколебимая отвага, а чтобы топтать военной тропой – довольно заурядного терпения. Приходи в другой раз, и растолкую тебе, что и как делать, – сказал Матан.

Так и поступил Ахан. Явился к Матану, и обсудили дело вдвоем, и решено было хранить заговор в строгой тайне, а о подмене младенцев даже Хэфер и Букья не узнают.

Преступление

Темная ночь. Мрак. Ветер гонит по небу тучи. Тишина в доме Иорама. Обитатели его спят безмятежным сном. Ахан отомкнул казну, извлек сокровища и вручил их Хэферу и Букье. Эти двое унесли драгоценности и отдали Матану, и тот спрятал их под землей.

Ахан поднялся на одну, на другую крышу и разбросал серу. Затем спустился на землю, бесшумно вошел в дом служанок и рабов, взял сына Наваля, беззвучно вышел, закрыл дверь снаружи на засов. Также неслышно Хэла выскользнула из дома хозяйки, задвинув щеколду.

С четырех углов запалил оба дома Ахан. Вспыхнуло пламя, клубы дыма устремились ввысь. Когда все вокруг потонуло в огне, Ахан ринулся к дому Наамы, что стоял поодаль, целый и невредимый. Схватившись за голову, в ужасе возопил: “О, госпожа моя! Дома Иорама в огне, и некому гасить пламя. Жена моя Хэла с Азрикамом на руках успела выскочить в окно. Хагит кинулась спасать старших сыновей, но огонь погубил всех. О, госпожа, ведь и мой сын погиб, сгорел в доме слуг и рабов!”

А тем временем Хэфер и Букья проходят мимо окна Наамы, и один говорит другому: “Гляди, пламя ревности пожрало дом Иорама!” Содрогнулась Наама от ужаса и говорит в слезах: “Душегуб неведомый свершил зло, а меня обвинят, что подожгла. О, несчастная! Где искать спасения?” Тут Ахан с подсказкой: “Переоденься, госпожа, в мужское платье и скройся, дождись, когда людской гнев стихнет. Да поторопись, пока не вынырнули из тьмы мстители за Хагит. Как бы не схватили тебя и не возвели напраслину”.

Наама, минуты лишней не медля, сделала, как надоумил Ахан. Вышла через окно и исчезла в ночи, спасая свою душу. “А вы, – говорит Ахан ее служанкам, – бегите прочь, спрячьтесь в укрономном и надежном месте, и гроза стороной пройдет”. Он указал им дом, где скрыться, плотно запер за ними двери и зажег огонь. Плач и стоны раздались из-за стен и скоро потонули в дыму и треске пламени. Кто-то любит ближнего, другому милы его крики в огне.

“Теперь-то уж из домашних Иорама никого в живых не осталось, кто бы нас с тобой знал, – потирая руки, сказал Ахан, обращаясь к Хэле, – обними покрепче нашего сыночка Наваля и впредь зови его Азрикама. И поторопимся назад к пожарищу”.

Только Ахан сделал наставление жене, как сбегались жители соседних домов, и супруги тотчас заплакали и завыли, запричитали и заголосили. Тут Иядидья и Тирца показали. Руками всплеснули, за голову схватились: “Какое несчастье, поспешим, люди, к дому Наамы!” Пришли и видят: дом пуст, ни души.

– Куда исчезла Наама? – вопрошают Тирца и Иядидья.

– О горе, горе горькое, – возопил в ответ Ахан, – я сегодня замешкался, трудясь в поле, и, как вернулся, чую запах серы бьет в нос. Первым делом кинулся выручать госпожу мою Хагит и деток ее. Вижу: она через окно протягивает Азрикама моей Хэле и вновь скрывается в дыму – спасти старших сыновей, да поздно – безжалостное пламя пожрало всех, не уцелела ни одна живая душа. Я кинулся к дому Наамы – нет ее. Тут вспомнил о родном дитяте – вот кого надо избавить от гибели – и опоздал!

– Дитя мое, сынок, плоть и кровь моя! Погиб! Проклята будь ревность Иорамовых жен, души живые невинные она погубила! Горе, горе! – кричит Хэла.

– Вчера схватились промеж собой, – говорит Ахан, – и в гневе кричит Хагит сопернице: “Будет с тебя, Наама. Приворожила Иорама, любовью его силу свою обрела. Нет более мужа нашего, и сыновья мои наследуют его. А ты, несчастная, хоть и понесла, промучаешься родами понапрасну и родишь ветер. Сыновья мои вырастут и укажут тебе на дверь, и не видать тебе, чужачке, удела в наследии!” – вот как сказала Хагит Нааме, – закончил Ахан.

Изумленные, потрясенные слушают Иядидья и Тирца. Тут показали из тьмы горячие головы, жаждают мщения.

– Где Наама, где лиходейка-поджигательница? – кричат мстители.

Не отвечая, обращается Иядидья к верным слугам – Ахану и Хэле.

– Несите малютку Азрикама в мой дом. Ты, Хэла, живи у меня, станешь кормилицей мальчику. Так спасем от забвения имя славного воеводы Иорама, и светильник его не угаснет, – сказал Иядидья.

– Где супостатка, где изменница? – не отступают стражи минувшего дня, – кровью ее погасим пламя! – вопят они в гневе.

– Подождем, время укажет на ее убежище, – говорит Иядидья.

Судьи кругом

Наама поспешает к родственнику Авишаю, что отвечает за стада Иорама в Бейт Лехеме. Авишай препроводил гостью к брату Ситри, а тот нашел ей пристанище на Кармеле.

Истекли двенадцать дней, и Наама родила близнецов – сына и дочь, и дала им имена Амнон и Пнина.

Тем временем Хэфер и Букья пришли к городским воротам и обратились к старейшинам и судьям с благонамеренной речью:

“Прибыли мы с филистимлянской границы. И в пути видели, как шествует по дороге караван, спускается к Экрону. В запряженной лошаадьми повозке сидит Наама, жена Иорама, а справа от нее – некий юноша. За повозкой тянутся верблюды, груженные всяким добром, замыкают караван две рабыни верхом. Мы спрашиваем Нааму: “Кому это добро?” Наама в ответ: “Это дары наместнику, командиру над филистимлянскими воеводами. Хочу выкупить мужа моего. А юноша, что со мной – вестник от Иорама”. Мы с пожеланиями: “Бог в помощь, и пусть с миром вернется супруг твой на родину”. Лишь добрались до Ирусалима, оглушила нас новость о постигшем дом Иорама страшном горе. Вот мы и явились к вам, старейшины и судьи, рассказать, что наши глаза видели, и уши слышали”.

– Возмутительное дело, – говорят судьи в один голос.

– Этот случай запишем в памятную книгу, дабы не стерлось из памяти людской пятно греха, что на этой женщине, – постановил судья Матан.

Решивши так, пошел Матан к Иядидье и гневно потрясал кулаками, рассказывая о постыдном деле.

– Ясно, как божий день, поселилась в доме Иорама смертоносная ревность и погубила живые души, – сказал Матан, глядя на Тирцу.

– Достойнейший муж, – с жаром продолжил судья, – чашу горя и потерь выпьет до дна. Наама, супруга беззаветно любимая, изменила, оставила его, нашла убежище едва ли не у врага. Злобой сожгла дом и преступным огнем погубила соперницу и невинных младенцев. К собственным малюткам немилосердная, ради любовника в чужой земле кинула родные края.

– Вот урок для мужчин! – выпалила Тирца, – лишь одну женщину вмещает сердце, и нет иного пути познать любовь!

– Как славно, что ты понимаешь это, милый, – продолжила она, с нежностью обращаясь к мужу, – а придет время, и для Тамар уготовим ту же судьбу.

Тут заговорил Иядидья.

– Выходит, негодное дело свершила Наама. Верный знак криводушия. А посему я вопрошаю: хорошо ли будет, если чадо ее станет наследовать Иорама? И отвечаю: Нет! Лишь Азрикаму положены сии честь и благо. Ему же предназначена Тамар, и быть ей у него единственной, – убежденно изрек Иядидья. Тут глянул он на малютку Азрикама, и жалость засветилась в его глазах: вот он, последний непотухший уголек, что остался от погибшего в огне славного дома.

Дети растут

Через год Тирца родила сына и дала ему имя Тейман. Вместе росли трое деток в доме Иядидьи. Словно нежные бутоны на грядке – Тамар и Тейман, и колючий терновник меж них – Азрикама. С младенчества злая порода его будила дурные помыслы в сердце, да и ни статью, ни красотой он не вышел. Иядидья, верный клятве, данной отцу мнимого Азрикама, не замечал, что сын непригож.

Ситри, не в силах вырвать языки клеветников, укрыл Нааму от злой участи в укромном месте на горе Кармель. Твердо знали Ситри и Авишай: чтобы уберечь от беды детей мнимой поджигательницы и изменницы, надо крепко хранить тайну Амнона и Пнины. Жена Ситри навещает изгнанницу и приносит ей и младенцам-близнецам Амнону и Пнине пищу и все прочее, потребное для жизни. Ситри замечает, однако, что в скудости и бедствиях изгнания неумоготу Нааме поднимать двоих.

Когда пришло время отнимать малюток от груди, Ситри препоручил Амнона заботам брата Авишай, а тот отдал дитя на попечение к почтенному старцу, пастуху, сказав, что некий человек нашел мальчика в поле, и он, Авишай, купил у того находку.

Амнон рос в доме пастуха, и с каждым годом увеличивалась красота отрока, да некому было замечать перемен. Лишь Авишай носил его образ в сердце. Умер почтенный старец, и

Авишай определил Амнона в подмогу взрослым пастухам, стада Иорама пасти. И видят люди, что Аммон для Авишай – бесценное достояние, неизменная монета.

Миновали годы, и Наама покинула убежище. Ситри смастерил для нее небольшую хижину в горах среди кипарисов, и там и поселилась она с дочерью Пниной и старой женщиной помощницей. Добывала себе пропитание вместе с бедняками тех мест, собирая колоски с полей мужа своего Иорама. Людям этим сказала о себе, что она филистимлянка, была прежде замужем за человеком из Иудеи, да вот, овдовела.

Глава 3

Царь Хизкияу

Шел четвертый год правления Хизкияу, царя Иудеи, сына царя Ахаза.

Долго терпел всемогущий Бог мерзость идолопоклонства, что в нечестивое царствование Ахаза губило сынов колена Эфраима, жителей Израиля. И, наконец, злоеще возгорелись ревность и гнев Господа, и настигла язычников заслуженная кара. Наслал на них Всесильный орды царя ашурского. Словно острой бритвой провели по земле грешной страны чужеземные наемники. Грозная волна смыла и тельцов Бейт-Авена, и идолов Дана, и всех поклонявшихся им – заодно. Вытеснены были израильтяне в Халах и Хавор при реке Гозан и в города Мадайские.

Иудея и Израиль. Две страны – две сестры. И единый народ. Иудея содрогнулась, видя, как тяжела рука Господа, карающего за тяжкую вину сестру ее Израиль. Нашла в себе силы Иудея, укрепилась духом, не свернула с путей Господних и осталась верна любви к царю своему Хизкияу, помазаннику Божьему и семени славного царя Давида. А еще скажем о Хизкияу, что он непреклонен был, изгоняя идолопоклонство из Иудеи, в которой правил, и истинно скорбел о муках неподвластной ему грешной земли Израиля, и посему народ любил своего владыку во все дни его царствования.

Идола – прочь!

Случилось, в то самое время некий человек, бежавший от судьбы изгнанников колена Эфраима, пришел с севера, из пределов Шомрона, к самой сионской границе и остановился на пороге иудейского царства. В руках он нес деревянного идола – божество для поклонения.

Пришелец отбросил подальше свою ношу и с жаром произнес: “Лежи себе тут, жалкая деревяшка! В иудейском царстве мне не нужен истукан. Десять лет служил тебе, повсюду скитались вместе, терпели друг друга. Высоко над головой возносили мои руки деревянный лик, и люди поклонялись ему. Я вселял страх и благоговение в людские сердца, и это – твоя заслуга. Говоря с людьми моими устами, ты недурно послужил мне, изваяние божества. Помнишь ли, как все мы, братия верных твоих слуг и жрецов, славно проделали путь в Шхем? Вдосталь пограбили встречных и поперечных, да и живых душ изрядно погубили. Твоей волей дела вершили! Поклоняясь, люди тебе вино наливали и в жертву лучший скот закалывали. А я – ешь, пей, не хочу, вкушал запретное это. Вот и платье, что на моих плечах – тобою доставлено. Кто кому служил, дружище? Нет связи прочнее, чем наши грехи. Ах, как хороши были времена, да канули в прошлое! А сейчас? Вышвырнули тельцов Бейт-Авена и идолов Дана, а служителей их прогнали взащей. Что прикажешь делать с тобой, бездушное полено? Хочешь попасть в Иудею? Лишь появишься там – землю разверзнет грозный всеведающий Господь, бессменно пребывающий в Сионе. И мне станешь в тягость, словно в колоду меня посадишь. Лежи себе тут в яме, посрамленный и нагой. Сдеру с тебя серебряный покров и материю золотом тканую возьму – истукану это ни к чему, а мне будет последняя награда за службу тебе. Ничего не поделаешь – к идолам прилепляются неверные друзья!”

С такой прощальной речью обратился к идолу бывший изгнанник по имени Зимри, один из служителей божества Баала. Пустые и никчемные, жрецы языческие стояли на дороге сынов Израиля и жестокостью и обманом отвращали их от пути в Сион, на святую гору, для поклонения Господу. Зимри очутился среди прочих беженцев Шомрона, что в израильском царстве,

но весьма надеялся избежать горькой доли, уверенный, что быстрые ноги не подведут его в нужную минуту.

Зимри знаком с одним из важных сановников Шомрона, богачом Хананелем, отцом прекрасной Тирцы. Беглец надумал сперва навестить Хананеля и узнать имя его зятя в Иерусалиме, а уж потом перейти реку Квар и двинуться дальше. В бедственном положении, среди прочих беженцев нашел Зимри Хананеля. Тот написал зятю письмо, снабдил послание своей печатью и поручил Зимри передать это Иядидье. Не мешкая, Зимри продолжил путь, хитро избегая бед и врагов. В пути он не торопился расставаться со своим идолом. “Кто знает, – думал, – авось пригодится, послужим еще друг другу”.

Зимри дошел до границ Иудеи и видит: в Сионе люди идолам не поклоняются. Тогда снял золотые и серебряные украшения с деревянного изваяния и с легким сердцем бросил истукана в яму.

Блистательный Иерусалим

К вечеру предстал путник перед сияющим Иерусалимом и вошел в город через Эфраимские ворота. Не смотря на сумерки, улицы кишат людьми. Шумит и гомонит толпа, словно стая саранчи трещит крыльями. Благообразные старцы сидят на почетных местах у ворот, где вершится суд. С грохотом проносятся повозки и колесницы, везут важных вельмож и богачей, городских благодетелей.

С тех пор, как три года тому назад наемники ашурского царя расположились станом в Шомроне, изрядно победствовал Зимри на вытопанной врагом земле. То-то изумился он при виде цветущего города. И в восхищении воскликнул сгоряча: “Прочь от меня, Шомрон, и слава тебе, бесподобный Сион! Гром гнева потрясает землю Шомрона, а в Сионе громогласные трубы приветствуют возлюбленного царя Хизкияу! Сокрушена страна Эфраима, и чудно расцветает Иудея! Другое небо и новая земля передо мной. Дивный край, и люди тут живут беззаботно. Безоблачный лазурный купол висит над головами баловней судьбы, а солнце изливает на них свет и тепло правды. Ибо царь Хизкияу превыше всего поставил закон и справедливость”.

Сказав сии восторженные слова, задумался Зимри. Немного остыл.

“Если пораскинуть умом, то выйдет, что суд и закон – броня и щит богачу, коли кто чужой к его золоту руку протянет. А мой удел каков? Пересох былой источник наживы в Шомроне, и из Иудеи изгнал Хизкияу служителей Баала. Те же благословенные суд и закон лишь ужалят оборванца, вроде меня. Волк в лесу – зверь полезный, но стаду – он враг. Так чьи паруса надувает ветер справедливости?”

Не быстро истребить из душ людских старую веру. Сравним ее с новой. В Сионе твердят, кто поклоняется Баалу – несут ложь и обман, а законы их – убийство и грабеж. Однако думаю, если в Иерусалиме хорошенько поискать со свечами, а то и без них, непременно среди праведности и честности немало найдется зла и обмана. Нигде в мире не отыскать места без греха и порока. Вон сколько богачей в Иерусалиме! Известно, где богатство – там зависть, где зависть – там ложь. А если у лжи крепкие кулаки? То-то же! Звездный час для Баала.

Взглянем на дело с другой стороны. В чем провинились идолы? Разве не смягчаются сердца молящихся им? Случается, они нищего из грязи поднимают, а презренного почитаемым делают. Сион ниспроверг языческое беззаконие, а вознесенные до небес закон и суд превратились в новых идолов. Стало быть, что вознесение, что свержение идолов – все поклонение им.

Однако – прочь бывшее. Сейчас в Сионе сама правда восседает на троне, и святые судят у ворот. И я не хуже. Пояс праведности потуже затяну на чреслах и предстану достойным в глазах людей. Разлюбезную мне ложь утаю поглубже в сердце. Хитрость спрячу за стеной

благочестивых слов. Как слабый тростник робко голову склоню, и лишь Богу угодные речи услышат от меня. Многие из ныне достойных, кто в силу вошел, как раз таким вот манером и проложили путь к богатству и власти. Ха-ха! И вправду не надобны глаза рабу Господа, и излишни уши, идущему путями его? Лишь простак верит, что язык по сердцу говорит, а руки

по языку делают. Я не так прост. Знаю твердо: кто на вид хорош, тому в душу не заглядывают. Люди охотно кланяются в ноги лжи, обутой в сапоги правды”.

Зимри и главный коэн

И делал Зимри по задуманному им. На следующий день поднялся на Храмовую гору, напрямик вошел в чертог главного коэна Азарьяу, что из династии Цадока, и говорит: “Господин мой, соблаговоли насторожить уши и выслушать раба твоего. Не лукавя, признаюсь, лишь отнят был я от материнской груди, а уж отец стал учить поклоняться Баалу и верить вещунам его и жрецам. С молодых ногтей слово Бога для меня было пусто, а над упреками пророков его лишь потешался. Скажи, господин мой, навек ли отец на зубах моих оскомину набил, коли кормил меня плодами незрелыми? Сам-то я созрел и прозрел!

Да-да, я теперь зрелый плод, как познал горячую плеть праведного божьего гнева. Настал день предсказанной кары, и в пустыню обратилась земля колена Эфраима, а люди – прочь изгнаны из нее. Несчастный Шомрон три года корчился в муках, как умирающий на смертном одре. Уж смерть глядела в окно, а жрецы Баала, никчемные лекари, все бродили по земле и пустыми заклинаниями думали спасти Шомрон от бедствий, что несли иноземцы. Пустое! Теперь

пусть в землю зароятся от стыда и усы свои в знак траура накроют.

Я по милости Господа вырвался из пекла. От того, думаю, не настигла меня рука беды, что в Бога верую, и сердце рвется к Его святилищу. Вот я перед тобой. Вождедею вкусить слова Божьего и милосердия Его жажду. Азарьяу, молю тебя, будь снисходителен к рабу твоему! Ты – главный коэн, масло помазания излито на твою голову. Научи грешника, как обратиться к Богу и просить прощения за бесчестье юных лет. Беден я, нищ, и жертвы приносить не могу, но душу готов отдать без остатка. Научи, господин мой, не требуя золота и серебра взамен, но бескорыстно, из сострадания”.

– Да храни Господь нас, коэнов, милостивых сынов Арона, знатоков Божьего слова и законоучителей, от взимания мзды с тех, кто просит вежества из наших уст! – горячо и достойно возразил главный коэн, – Небеса поручились доставлять нам пищу и питье: исправно получаем законную десятину и дары добрых сердец. Одно устремление у нас – наставлять каждого, кто жаждет близости к Богу. Ты – наша находка. Радея о чужом счастье, обретаешь собственное. Знай: сокрушенная и кающаяся душа милее Господу обильных потоков бараньего жира, стекающего с жертвы. Каждодневно бывай в этом святилище и так познаешь истинные пути жизни.

Да. Так-то вот. А теперь скажи, Зимри, нет ли у тебя в Иерусалиме благодетеля или родственника? – спросил главный коэн.

– Сегодня же отправляюсь в дом Иядидья, управляющего царским именем. Доставлю послание от тестя его Хананеля, шомронского изгнанника, – ответил гость.

– Оставайся тут до сумерек. Два раза в день, утром и вечером, приносим мы Богу ежедневную жертву. В час жертвоприношения неизменно приходит в Храм набожный и благочестивый Иядидья, чтобы пасть ниц перед лицом Господа в его святилище. Я замолвлю за тебя доброе слово, чтоб Иядидья с миром принял тебя под своей крышей или просил за тебя других благодетелей, – сказал главный коэн.

В обычное время пришел в Храм Иядидья. Лишь закончил он ежевечерний ритуал, обратился к нему главный коэн с хвалебными словами о Зимри. Без отлагательства царский сановник увез гостя к себе домой. Тот вручил Иядидье письмо от тестя, а печать, что была при послании, у себя оставил. “Авось, для какой-либо хитрости пригодится”, – подумал.

Письмо и сон Хананеля

Иядидья призвал жену Тирцу и всех домашних и принялся читать вслух послание Хананеля.

“Дочь моя Тирца, зять мой Иядидья, слушайте слово Хананеля, отца вашего, изгнанника. Долетает ли до вас крик земли Эфраима? Достиг ли плач Шомрона сионских ворот? Настал час расплаты. Мой Шомрон – мой мир, и я ушел с ним в изгнание. Я знал наперед, что ограбят землю Эфраима, и спрятал серебро, золото и драгоценные камни – все свои сокровища – в тайное место, подальше от людского глаза. Вот, думаю, минуют смутные дни, и двинусь я в Сион и сыновей своих на благословенную землю усажу. К этому тянулось мое сердце, но по-другому распорядился гневный Бог. Три года страха, несчастий и бед – и сгнули сыновья, и нет их в живых. Настал худший день, и враг проломил стены города. И я ушел в изгнание и оставил позади себя и могилы сынов и зарытый клад с сокровищами. Вечером седьмого дня дошел до реки Квар. Скорбя, поел хлеба и на берегу уснул. И привиделся мне сон.

Вижу перед собой всадника на коне. Несказанной красоты ясноглазый юноша, и роскошные военные доспехи на нем. На поясе меч, а на голове – шлем. Из-под шлема выбиваются черные, как вороново крыло, волосы. Вьются кольцами. Румяные щеки и чистый лоб, белее снега. Чудное, сияющее, как драгоценный сапфир, видение передо мной, и слезы бегут по моим щекам.

Воскликнул я: “Господь мой! Ведь и у меня были красавцы-сыновья, подобные сему всаднику. Ни одного не осталось в живых. Кто закроет глаза старику, кто наследует плоды трудов?”

Услыхал юноша мой плач, слез с коня, обнял меня старика за плечи и говорит проникновенные слова: “Перед тобой тот, чье сердце устремится к сердцу Тamar, внучки твоей. А захочешь вернуться в родные края – спасу тебя, приведу в милый твоему сердцу Сион, где сияет свет Господа”.

Я спросил, как зовут его, откуда родом и кто отец его, и уклончив был ответ: “Скажу – и не поймешь меня, а со временем все узнаешь”. Тут показал мне юноша знакомое кольцо, что когда-то я дал Тирце для малютки Тamar. “Этот знак верности я получил от Тamar, той, что всех на свете для меня дороже”, – сказал он и указал на кольцо. Услыхал я эти слова, затрепетало сердце, и я проснулся.

Сладок был сон для истерзанной несчастьями и бедами души. Я воздел очи к ночному небу. Блеск светил пробивается сквозь тьму, что окутала землю. Я воззвал к Богу: “Господь, снова пошли мне сон, пусть яркими звездами рассеет он мрак в моем сердце!”

Я вновь уснул, и другой сон сошел ко мне. Вот сижу я в вашем доме, дорогие Иядидья и Тирца. Богатые покои, стены все в узорах из слоновой кости. Прекрасный юноша передо мной, а по правую руку его стоит Тamar, наряженная невестой. Надеты на ней драгоценные украшения и платье отделано чудесным тонким кружевом, и вся она – совершенство красоты. А вы, дети мои, смотрите на жениха и невесту, и печать всего земного счастья лежит на ваших лицах.

И только юноша оборотился ко мне и приготовился говорить, как разбудил меня грозный голос, прорычал кто-то в самое ухо: “Хватит спать, рассвело уж, прочь ступай!” Встал, пошел со всеми. На сердце горько, и в душе – пустота. Чудный сон нейдет из головы. Нашел человека, толкующего сны, и тот сказал, что не пустое это видение, и уверил меня, что настанет день, и не во сне, а наяву придет прекрасный юноша, полюбит Тamar, спасет меня из вражьих когтей и наследует мое богатство. А вы, дети мои, не забывайте этот сон. На этом кончаю, и мир вам, дорогие Тирца, Иядидья и Тamar”.

Иядидья прочитал письмо, и слезы навернулись ему на глаза, и Тирца плачет. Тут Зимри с утешением: “Не жалуйтесь на шипы у розы, радуйтесь, что есть роза среди шипов. Рано оплакиваете Хананеля. Полегчало у него на сердце, как вырвался из трехлетней вражьей осады – уж поверьте мне. Да и не один он в Ашуре, а среди своих. Сны, что видел на берегу реки Квар, для него великое утешение, и мысли его о вас, и верит он, что все сбудется”.

Зимри и Иядидья

Иядидья заметил, читая письмо, как Тирца все поглядывала на Азрикама. А как кончил читать, попросил отрока удалиться.

– Благодная моя Тирца, – обратился к жене Иядидья, – не верь снам, хоть утешают они твоего отца в беде. Не сличай привидевшийся образ с нашим Азрикамом и не горюй о том, что тот статный и с черными кудрями, а этот невысок и простоволос. Не отвращай сердце Тamar от Азрикама. Помни, я заключил нерушимый союз с другом своим воеводой Иорамом, и робкая соломинка мечты не переломит крепкий ствол жизни.

– А что, если Наама родила сына, и он примет с годами облик юноши, что явился отцу во сне? – возразила Тирца.

– Пусть так. Да ведь она пошла за полюбовником. Кто сведет пятно материнского позора, приставшее к сыну? Всякий крикнет ему: “Ты дитя порока, порождение блуда!” А вернется Иорам и выгонит его прочь, утоляя ревность. Впрочем, к чему болтать о пустом? Ясно, как день, что Наама вновь не появится там, где на нее пальцами станут показывать, вслед свистеть, и где рано или поздно меч правосудия опустится ей на шею. Прошу тебя, благодная Тирца, не упоминай более имени недостойной, дабы не срамить дом Иорама, – горячо сказал Иядидья.

В Сионе Иядидья был известен, как муж чистый перед Богом и сердечный с людьми. Не взглянувши на человека, не судил о нем, а если видел перед собой честные глаза, то знал наверняка: это – непорочная душа стоит перед ним. И увеличивалось число тех, кто в доверии у него, и все они – скромного вида. Нечего удивляться, что и Зимри, прямым и ясным своим взором, подкрепленным напутствием главного коэна, склонил к себе сердце Иядидьи.

– Вот тебе моя рука и мое доверие, Зимри! Отныне ты – мой домоправитель, – торжественно провозгласил Иядидья. “Сделать поспешно – что камень бросить: попробуй, верни назад!” – подумал Зимри, но сказал другое.

– И голова и руки мои – к твоим услугам, господин, – отчеканил Зимри в ответ.

Говоря по правде, голову и руки свои Зимри сроду ни к какой работе не прикладывал, а все искал, как бы половчее обмануть и получше нажиться. Оттого опасался сперва, не вышла бы наружу его история. Главное же, все прислушивался и присматривался к тому, что говорят и делают в доме, его приютившем. А утаенную от Иядидьи печать к письму Хананеля, хранил, как зеницу ока, и все говорил: “Печать эта – мой новый тайный идол. Придет время, и сослужит службу”.

Негодный Азрикам

Азрикаму, юному отроку, десять лет, и живет он в доме Иядидьи и Тирцы. Он не дружен с хозяйскими детьми Тamar и Тейманом. Каверзы замышлять горазд и все поколотить норовит брата и сестру. Иядидья и Тирца своих жалеют, а за чужого им досадно и тревожно. “Яблоко от яблони близко падает. У Хагит раздоры да брань на уме были, таков и сын ее растет”, – думает Тирца.

Добрые Тamar и Тейман не любили пакостника и драчуна Азрикама. “Сей отрок чужд и враждебен моему дому, – думает Иядидья, – удалю его до поры до времени, пусть воспитуется в поместье отца своего. Не хочу, чтобы теснил моих деток. И, наверное, если отделить его, то доброе сердце Тamar с годами забудет детские обиды и не ожесточится к нареченному”. Иядидья призвал Ахана, домоуправителя Иорама, и просил его забрать к себе Азрикама и беречь дитя, как зеницу ока, и пестовать его, а лишь по субботам и праздникам возвращать домой. Ахан подчинился, ликуя втайне, а Иядидья весьма оценил сей поступок и поставил его в заслугу Ахану.

Азрикам в доме Иорама – все тот же колючий терновник. Он рос, и с ним росла его неприглядность. А Тamar с годами становилась все прелестней, и красота и душа ее расцветали. Как разлились они меж собой! Азрикам со слугами жесток, и с людьми скуп, и даже нищему не подаст. Тamar, само милосердие, любезна всем домочадцам, и сердце ее болит болью бедняка, откуда не поможет тому. Азрикам бахвалится богатством и знатностью своего рода, а якшаться

с юношами низкого звания почитает за постыдное. Скромная Тамар не чурается девушек из неродовитых семей и со всеми проста и добра. Лицом и сложением Азрикам похож на грубую деревянную статую, которую неумелый скульптор покрыл золотом, чтобы скрыть худую работу. А знатность Тамар – словно драгоценное обрамление алмаза – ничего не скрывает и даже не украшает, а лишь оттеняет чудо сияющих граней.

Азрикаму шестнадцать лет, и он мал ростом, лицо веснушчатое и в рытвинах, и голова с волосами соломенного цвета неуклюже возвышается над широкими плечами. Тонка и стройна, как пальма, шестнадцатилетняя Тамар. Совершенна красота ее и благороден нрав. Всякий, кто видит ее – не в силах глаз оторвать. Иядидья и Тирца, любят ее на свое чадое, и сердца родителей ликууют.

Излишни слова – решительно и во всем противоположны Азрикаму и Тамар, и ничто в мире их не роднит. Лишь в голове Иядидьи нерушима эта связь, как нерушим союз его с Иорамом. А скольким достойным отцам, озабоченным женитьбой сыновей, он отказал! Тот, у кого на уме и на языке одни лишь белые кони в яблоках, тот и во сне видит белых коней в яблоках.

Зимри и Азрикам

Письмо Хананеля хранилось в комодке у Тирцы. Как-то раз, Тамар, уже девица, наряжалась в материнских покоях, и увидела письмо и прочла его. И чудный дедов сон вскружил голову Тамар. Все стоит у нее перед глазами статная фигура с мечом и в шлеме. И вот уж не деду, а внучке снится, что она – невеста прекрасного всадника. И сколь любила она того юношу в своих снах, столь отвращал ее Азрикам наяву. Увидит его – и содрогнется.

Азрикаму – не слеп. Вот призвал он к себе Зимри.

– Это по твоей вине, любезный, избегает меня Тамар, и враждою полны глаза ее. Все снится ей черноволосый красавец, который и на свет не родился, небыль пустая. Письмо, тобой привезенное, – яд, деготь, что чернит мой лик в голове девицы. А теперь потрудись-ка расположить ко мне Тамар. И сделай это незаметно, тонко, с умом. Я щедро тебя награжу, все получишь, – сказал Азрикаму.

– А я знаю, что Тамар тебе дороже всех богатств мира, и знаю также, что не завоеуешь ты ее любовь ни за какие сокровища. Здесь лукавство требуется, мой юный господин! Но я не пушу в ход свою хитрость и уловки, на которые горазд, покуда не уверюсь всей душой, что ждет меня достойная награда. А пока дай мне три дня на размышление: дело не простое, – ответил Зимри.

Миновали три дня.

– Что надумал? – вопрошает Азрикаму.

– Прежде всего – совет: доверься мне целиком. Если принимаешь это, то перед нами два дела. Первое – придумать, как заставить девицу забыть зловерный сон. Второе – умудриться обратить тебя из отвратного в глазах Тамар в желанного ее сердцу. Причитается с тебя триста серебряных монет. Я отдам их верному человеку, и тот поступит по моей указке. Не сомневайся – добьемся своего! – ответил Зимри.

– Я с деньгами расстаюсь нелегко, но если вернешь мне Тамар, вдесятеро из моей руки возьмешь, – посулил Азрикаму.

На дальней окраине Иудее нашелся верный человек. Дал ему Зимри печать от письма Хананеля, научил, что сказать Иядидье и науку подкрепил серебром, полученным от Азрикама. Так из корыстолюбия вырастает лжесвидетельство.

Выученик Зимри явился к Иядидье и говорит: «Слушай меня, господин. Я – земляк твой, житель Иудеи. Случилось мне быть в краю, где бедствуют изгнанники из Шомрона. Там говорил я с Хананелем, твоим тестем. Бедный старик лежал на смертном одре. Едва ворочая языком, он сказал мне: «Вот тебе моя печать. Если Богу угодно будет вернуть тебя в славный Сион, отдай сию печать зятю моему Иядидье и передай на словах, что сокровища свои я схоронил в надежном месте. Прежде, чем я назову тебе это место, поклянись, что не откроешь тайну

никому, кроме Иядидьи”. И только я приготовился произнести слова клятвы, как изменил язык умирающему, и покинули его последние силы, и пути смерти связали его душу, и навеки умолк старик. И вот, с Божьей помощью, я вернулся на родину и вручаю тебе печать Хананеля”.

Заплакал Иядидья, услышав рассказ. Позвал Тирцу, сообщил ей горькую весть и прибавил: “Говорят, со смертью сновидца умирает сон. Придется забыть о юном всаднике и сокровищах Хананеля”. Сомневается Тирца: “Не злоумышленник ли придумал эту ложь, чтоб заставить Тамар забыть о чудесном сне?” Но возражает Иядидья: “Мы гоним прочь бред безумных, а видениям спящих доверять?” И Иядидья уверил жену, что земляк не лжет, и Тирца принялась оплакивать отца.

Тамар не меньше матери горевала о смерти Хананеля и о чернокудром юноше из несбыточного сна, но ненавидеть Азрикама не перестала. Рассердился Иядидья на дочь, а та говорит: “Воля твоя, отец. Стану выказывать почтение Азрикаму и жить поселюсь в его доме, да только не в радость ему это будет, и не часто он захочет мне на глаза показываться. Ведь знает, что в сердце своем я презираю и дела и облик его. И что из этого выйдет, отец?”

Тут мать вступилась за дочь: “Оставь в покое нашу Тамар, пока не исполнится девичье восемнадцать, а то и двадцать лет. Успеем еще поплакать над проделками Азрикама”.

А Азрикама охватила тревога: как бы Зимри, в надежде получить денег у Тамар, не открыл бы ей тайну сговора. И он дал Зимри тысячу серебряных монет, и тот стал поверенным всех его секретов. Весьма надеялся Азрикама, что доверие вызовет ответную верность.

Глава 4

Деревенские прелести

Весна пришла в Иерусалим. Волшебный месяц нисан – великий, волнующий праздник Пэсах. Тамар упрашивала отца позволить ей присоединиться к подругам и провести чудные дни в деревне, вдали от городского шума. Не в силах отказать любимому чаду, но и не уступая во всем до конца, Иядидья отправил дочь в Бейт Лехем к Авишаю, надзору которого воевода Иорам поручил свои стада. Родитель приставил к дочери молодую служанку-нянюшку Маху и наказал обеим через три дня вернуться домой. Сына Теймана отец отослал на Кармель к другому родственнику Иорама и брату Авишай, знатоку слова Божьего, Ситри. Тейману надлежит пребывать на Кармеле до появления первых гроздей винограда, и поручено ему доставить плоды эти в Иерусалим. В помощь дал ему Иядидья трех работников.

Бейт Лехем, колыбель царей Иудейских, выстроен на вершине величественного холма. С гор Иерусалима видны стены и башни Бейт Лехема. Вокруг всё колодцы-колодцы, родники и ручьи. Вода в них сверкает живым хрусталем, и прозрачнее, чище и слаще ее нигде не найти. Среди природных красот свежестью дышат рукотворные оливковые рощи и виноградники с их первыми багряными гроздьями. Ликут под солнцем вершины, а долины меж ними украшены кружевом полевых цветов. Там и тут пасутся стада. Медом и молоком течет благословенная земля. В давние времена царь Соломон вырыл здесь три пруда и собирал в них воду, и соорудил каналы, и напоил столицу свою, прекрасный Иерусалим. Берега серебряных прудов затенены деревьями, и голуби целуются в их ветвях. Тишиной одаряет мир молчаливый Бог.

В этих самых местах Авишай назначил Амну пасти скот отца его Иорама. Пастухи думали, что Аммон – сын пастуха. Любили его за красоту и добрый нрав, а еще за умение сладко играть на арфе и складной песней веселить сердца.

Своею прелестью весенний Бейт Лехем выманил из шумного Иерусалима многих богачей и их чад. Вот и Тамар поселилась у Авишай. Ах, как хороша девица, глаз не оторвать! Вместе с Махой вышла она на луг и зашагала по траве, там, где Аммон пас, и дивились пастухи вышитому пурпурному ее платью.

Говорят пастухи меж собой: “Какова, однако, красавица, прекрасней всех девушек Сиона!” Лишь Аммон среди всех благоразумен: “Что глядеть на недоступное? Девушка эта – из самых знатных, не про нас с вами. Не будем-ка задирать высоко голову, лучше опустим

глаза долу да присмотрим за стадами”. Но охота пуще благоразумия, и глядит Амнон украдкой вслед легким девичьим шагам.

А солнце заливают золотыми лучами зеленые пастбища. Прозрачен воздух, чуден аромат весенней травы. Легкий ветер чуть шевелит молодые листья на ветвях. В тишину врывается то птичья трель, то блеяние стад. Красою божьего мира упивается душа пастуха. Вот сладкие звуки флейт раздались и достигли ушей Тamar, и не устояла она, и повернула назад вместе с Махой, и уселись обе на берегу ручья поближе к нежным звукам. Тут зазвенел над полем чистый голос. Это Амнон запел:

*Бог услаждает людей без разбору,
Люди себя ублажают не так:
Сильному – лучшее, это – без спору,
Радость познает не всякий бедняк.*

*Поровну светит простым и вельможам
Солнце весеннее в небе высоком,
Милостью Господа утром пригожим
Всякий становится счастья пророком.*

*Уличный шум опостылел за зиму
Им, городским, с тугою мошной,
Ищут спасения. Где же? Вестимо:
Мчатся скорее в деревню весной.*

*Скромный пастух полевыми цветами
Встретит избранницу пылкой мечты,
Лес и река. Тишина над лугами.
Сльшино лишь робкое: “Ты, только ты...”*

Сон оказался явью

– Ах, Маха, если глаза твои зрячи, и уши внемлют – дивись, смотри и слушай, – говорит служанке Тamar, и голос взволнован и тревожен.

– И верно, госпожа, дух захватывает, как красиво тут! И веселье, и радость вокруг. Нам, городским – тут душой отдыхать от шума и суеты. Поднимемся на гору, Тamar, где девушки знатные собрались и ждут, как пастухи с пастушками затеют пляску в два ряда, и песню хорovou заведут, и барабаны застучат. Выучимся веселиться.

– Оставь, Маха, другое у меня в голове. Никуда не пойду, словно цепью к этому месту меня приковали. Насилу развеселиться нельзя.

– Случилось ли что, госпожа?

– Ночные видения передо мной наяву. Ведь этот юноша снился деду моему Хананелю. Тот же облик и та же стать, точное повторение. Взгляни на пастуха-певца. Как он ладно сложен, а кудри его чернее вороного крыла. Румяные щеки и красные губы. Кожа, как чистый снег бела. И нежный голос голову кружит. Лук и стрелы при нем, вот наденет шлем и доспехи – и выйдет воин герой!

Тут и молодая служанка получше разглядела Амнона, и смутилось девичье сердце, и подумалось ей: “Чем не пара мне этот красавец пастух?” А госпоже своей Маха так говорит: “Ах, Тamar, сны дурачат людей, видения ночные сводят с ума. И Хананель уж умер, и сон его – тщета. А то, что лук и стрелы у пастуха, так тому причина простая. Весна сейчас, и вода в Иордане поднялась и гонит из зимних убежищ леопардов и львов. Злы и голодны хищные

звери, того и гляди, унесут из стада овцу или быка, а то, сохрани Боже, на человека нападут – разорвут и сожрут. Себя и стада свои пастухи охраняют. А потому пойдем отсюда, госпожа, по добру, по здорову, поднимемся на гору и будем любоваться на пляски и хоровод”.

Тамар Маху не слышит. Набралась духу и подошла к Амнону.

– Прекрасный юноша, если в сердце твоём столько же доброты, сколько прелести в лице, отдай мне венок полевых цветов, что держишь в руке, – дивясь собственной смелости, выпалила Тамар.

– Возьми, госпожа, коли по вкусу тебе ничтожное подношение простолюдина, – поблднев, ответил Аммон.

– Я слышала, юноша, как ты пел: “Скромный пастух полевыми цветами встретит избранницу пылкой мечты”. Покажи мне твою избранницу. Я преподнесу ей дар взамен этого венка, что ты предназначил для нее, и венок станет моим по праву.

– Среди тысяч девушек я не встретил пока своей милой. Ей богу, госпожа! – сказал пастух, и голос его вновь окреп, и мимолетная бледность сменилась обычным румянцем.

– Как ты разборчив! Столь многих видел и не выбрал. Должно, счастливица будет прелести необычайной: одна из тысяч, как-никак!

Тут вмешалась Маха.

– Довольно, госпожа. Пора уходить. Видишь, вон человек сюда идет. Не к чести тебе пустые слова говорить, – сказала служанка.

Мечтатели и трезвомыслящие

Тамар и Маха ушли. Появился Уц, работник Авишая.

– О чем говорила с тобой дочь Иядидьи? – спросил Амнона Уц.

– Это была дочь Иядидьи!? Как жаль, что я не знал. О, уста ее источают мед. Она прекрасна и свежа, как роза утренней порой, покуда не высохли блестки росы на лепестках. Что привело, тебя, Уц? Ты помешал.

– Как высоко ты метишь, Аммон! Тамар и краше, и скромнее, и благонравнее всех прочих знатных девиц Сиона. Весьма вознеслись дочери вельмож. Посрамлен будет простак, коли забудет свое место. Не такова Тамар. Щедрой рукой одарит бедствующего и добрым словом ободрит тоскующего. Я нынче видел ее – встает с восходом и не уступит красою утренней заре, – сказал Уц.

– О, Тамар великолепна, как сам Иерусалим, и красота ее сияет, как царская корона, – подхватил Аммон возвышенный слог, – прелесть и скромность соединены в ней в совершенстве. Язык мой не передаст ее достоинств, и слова лишь повредят им. Только мечта способна достойно изобразить это чудо. Да, что говорить, будь Тамар звездой – она бы украсила небосвод, а будь цветком – розы бледнели бы перед ней, – горячо продолжил Аммон.

– Остановись, наконец, Аммон! – прервал Уц юного мечтателя, – довольно высоких слов. Вернись к лугу и стаду. Ведь простой пастух ты. Паси свой скот, и гони прочь ветер из головы, – назидает Уц.

Тем временем ведут беседу Тамар и Маха.

– Хорошо мне тут, Маха. Век бы жила среди полей и лугов. По мне, так венок наряднее дорогого чепца с золотым полумесяцем, хотя скромные полевые цветы украсят волосы простой пастушки, а шелковый чепец – голову городской матроны. А разве звуки пастушьей флейты не слаще музыки иерусалимских киноров в богатых домах?

– Ты видишь сны наяву оттого, что прелестный юноша излил свою красу на все вокруг, – смеется Маха, – однако, остерегаю тебя, госпожа: сердце обманет, и останешься на бобах. Хоть бы и жив был Хананель, а с ним и надежда на сон его, да разве есть в мире чудо, что вознесет простого пастуха до дочери царского сановника?

– Будет тебе, глупышка. Пусть он пастух, но душа полна величия и благородства, а бедная одежда не убавляет красоты и стати. А как звонко поет, как складно говорит! Глаза полны любви и сулят блаженство. Приведи я его домой – и матушка промолвит те же слова.

– Да почему ж ты так уверена, госпожа?

– Да потому, что пастух этот и есть тот самый юноша, который приснился деду.

– Ох, Тамар!

Так за беседой дошли девушки до дома Авишая.

Вечереет. Амнон расположил стадо на ночлег и отправился с пастухами домой.

Тамар улеглась в своей спальне, но сон отлетел, и открыты глаза. Ждет, не дожидается расвета. Решилась: одна пойдет на то место, где была вчера, и повстречает пастуха и все-все выпросит у него.

Знакомство

Этой ночью молодые львы ворвались в загон для скота и натворили немало бед. Пастухи пробудились поутру, увидели учиненный грабеж, вооружились копьями, луками и стрелами, сделали повсюду засады и стали поджидать свирепых разбойников. Кто для многих страшен, пусть многих боится.

Тамар, не зная ничего о ночных перипетиях, встала с рассветом и, как задумала, отправилась одна к заветному месту. Пастухи кричат, что есть мочи, выманивают из укрытий молодых львов, зарезавших и утащивших ночью баранов и быков, и скрывающихся сейчас неведомо где. Тамар слышит голоса над полем и лугом, но, не зная, что они означают, не тревожится, срывает полевые цветы, сплетает венок и идет себе, не спеша, к берегу ручья.

Дошла. Увидала Амнона на другом берегу, и взволновалось сердце девушки. Опустились вниз две юных головы, глядят оба в реку, жадно пьют глазами отражение друг друга, и все не утолят жажду, а глаза стыдятся поднять, боясь своих чувств. С любовью приходит стыдливость, спутница добрых помыслов.

Первой заговорила Тамар.

– Я пришла, чтобы вернуть тебе долг, юноша, – сказала Тамар, протягивая венок.

– Мне не дотянуться, госпожа, между нами вода.

– Где твоей руки не хватит, я свою протяну, – сказала Тамар и перебросила венок на другой берег.

Тут громко закричал Амнон: “Берегись, госпожа!” Тамар подняла глаза, и смертельный ужас сдавил ей сердце. Из зарослей тростника показался лев. Страшен и злобен дикий зверь. Шерсть стоит дыбом, хвост прямой, как копьё, искры огня брызжут из глаз, язык – красен, как язык пламени, и вертит огромной головой – ищет несчастную жертву.

Вот хищник заметил стадо и ринулся навстречу добыче, спокоен и уверен в своих силах. Остановился, замер, приготовился к последнему рывку, сверлит горящими глазами обреченное создание. “Кого он алчет, овцу или юную красавицу?” – мелькнуло в голове Амнона. Как искушенный воин, он вскинул лук, распахнул колчан, туго натянул тетиву и выпустил быструю стрелу. Над лугом и полем воздух содрогнулся от страшного рыка. Это раненый лев взревел и замертво рухнул на землю в нескольких шагах от оцепеневшей Тамар. Ужас лишает языка и уводит землю из-под ног. Бедняжка побледнела, как мел, и упала без чувств.

Амнон, неустрашимый герой, одной стрелой сразивший грозного зверя, теперь со страхом глядел на распростертую на траве бездыханную Тамар. Тонкий недвижимый стан, ни кровинки в лице, сомкнутые веки. Он склонился над бесчувственным телом, и из горла его вырвался вопль отчаяния. От громкого крика Тамар встрепенулась и открыла глаза. Перевела взгляд с мертвого льва на нежное лицо юноши. Чувства начали возвращаться к ней, и она слышит, Амнон говорит: “Прекрасная девушка, уйми свое сердце, опасность миновала, и горю не бывать. Господь вложил силу и твердость в руку раба своего, и тот поразил чудовище и отвел беду. Вот он, лютый зверь, лежит мертв и не страшен более”.

В мечтательной душе нет места пустоте. Медленно-медленно отступает из сердца страх, и радость замещает его. Тamar видит перед собой чудные черты, и не находит слов благодарности ее язык. Спаситель рядом, и силы возвращаются, и вот уж она говорит.

– Господь сотворит героя. Лишь храбрец дерзко глядит в глаза смерти. Я слаба и беззащитна, что стало бы со мною, не окажись тебя поблизости в роковую минуту? Как страшен зверь – клыки, оскал, кровь. Ты уберег меня от зубов и когтей. Воистину, на бедственный случай друг нам дан. Какими словами благодарить тебя, мой избавитель?

– Господу принадлежит спасение. Это он дал мне силу и мужество. Вставай и воздай хвалу Богу, – ответил Амнон.

– Как зовут тебя, юноша?

– Амнон.

– Буду звать тебя по имени. Возьми, Амнон, этот браслет, памятный дар. Не подумай, это не награда за подвиг, это лишь памятка об имени моем. Твое воздаяние – впереди. Мой отец – Иядидья, важный царский сановник. Велики его богатство и власть. Он щедрой рукой наградит тебя, и по заслугам ты вознесешься высоко-высоко. Пастуху довольно деревни, благородному герою нужна столица. Подобаает ли тебе, несравненному, обретаться среди пыли и камней, и видать лишь простолюдинов, да еще и столь чудно петь для них да для зверей лесных? – с горячностью сказала Тamar и не подумала, что откровенные эти слова удивительны на ее устах.

– Зачем мне памятка, госпожа? Простому пастуху благородную девицу забыть, что себя потерять, – сказал Амнон, и слезы навернулись у него на глаза.

– Амнон, слезы твои, как алмазы блестят на щеках. Эта влага – верный знак, что будешь помнить меня, как я помню тебя по сей день.

– Да разве ты видела меня прежде? – изумился пастух.

– Во сне, – рассмеялась Тamar, – но Бог подарил мне этот день, и я вижу тебя наяву.

– Прости, госпожа, ты говоришь загадками.

– Как пребудешь в Иерусалиме, так придеешь в дом к Иядидье равным среди прочих званых гостей – доблестных героев-воинов. А еще услышишь знатоков слова Божьего, сынов пророков, что кормятся щедротами отца. И откроется пред тобой новый мир, а я заклинаю тебя стройными газелями и быстроногими ланями, чтоб на вершину этого мира ты поместил себя и меня. Вот и разгадка. А пока пусть покойно живет твоя душа, и не забывай Тamar, что всем сердцем ждет тебя и помнит.

Тут Маха подошла – искала пропавшую госпожу. Содрогнулась, увидав мертвое чудовище. Тamar пришлось рассказать, как пастух спас ее из когтей хищника.

– Уж не сама ли ты это подстроила, госпожа? – лукаво спросила Маха.

– Поклянись, любезная, что глупые эти домыслы впредь не слетят с твоих губ. Лишь правду расскажем отцу, как юноша спас меня от гибели, – ответила Тamar.

Маха, которая метила в ту же цель, что и госпожа, весьма обрадовалась, узнав о намерении Тamar позвать Амнона в дом.

Девушки направились домой, беседуя, а Амнон принялся сдирать шкуру с убитого льва. Тamar поминутно оглядывалась, как бы невзначай.

Герой в смятении

Однажды увидел Уц, как Амнон сидит в глубоком раздумье и смотрит на лилию, побитую ярким солнцем и знойным воздухом. И слышит, Амнон говорит сам с собой: “Как хороша ты, лилия, на заре. Чашечка твоя полна ночной росы, на лепестках блестят прозрачные капли. Живительной влагой упиваешься, и деревья с завистью глядят с высоты. Чуть ни до самого полудня беззаботно красуешься у всех на виду, чудное растение. Но жаркое солнце иссушает влагу, и никнут лепестки, и бледнеешь ты, и словно скорбишь и молишь о сострадании.

Даже простой цветок может научать нас. Всякое творение Господа преподносит нам урок. Мир Божий вокруг нас – раскрытая книга. На нетленных страницах Творцом вписаны мудрые строки. Кому дано понять эту книгу, каждодневно станет читать ее и осмыслит и себя и мир.

Взять хоть ту же лилию: с восходом сияет и счастлива она, полуденный зной иссушит, а новая заря вновь оживит ее. А разве не то же случается с юношей? Безмятежна душа, и он счастлив вполне. Приходит страсть, и от жара ее высыхает сердце, и жалок вчерашний герой и полон страданий, откуда новым рассветом не оживит его ответная любовь”.

– Что с тобой, Амнон, – спросил Уц, – уж несколько дней тебя не узнать, какой переворот случился в голове твоей? То ночь напролет просидишь одиноко в темном лесу, то день-деньской ты у ручья, вперись глаза в воду, а мысли, должно быть, парят в небесах, то, как безумный, носишься без цели с вершины холма в долину и снова наверх. Стада разбрелись без присмотра. А речи твои высоки и загадочны.

– Слушай внимательно, Уц, поведаю о своей кручине. Не знал я прежде прекрасной Тамар, и сердце билось ровно, и дни текли бестревожно. Но, вот случилось, спас девицу от ярости лютого льва. Одной стрелой поразил зверя. Труп его в роще зарыт. Теперь возжелала Тамар видеть меня гостем в доме отца, самого Иядидьи. Огромная честь и неслыханный почет для пастуха! Снесу ли эту шапку? Мысли смешались, и сердце не на месте, – сказал Амнон.

– О, ты не прост, Амнон! Такие перемены – и все тайком. Да и сейчас, сдается, не до конца говоришь. Человек жаждет почета, и ни у кого не достанет сил победить в себе эту страсть. Мысли твои и сладки и горьки. Золотые голубки нежно щебечут в самое ухо, черные вороны больно клюют до костей. Высоко в горы ускачет легкая лань – не догнать. Не тщишь, и тщета оставит в покое душу. Знающий свое место – не знает смятения.

Уц не удовлетворился поучением, но поведал обо всем Авишаю. Изумился Авишай, испугался, и услал Амнона в Боцру, закупать скот.

Иядидья послал за Амноном, а гонцу говорят, что тот в Боцре.

Глава 5

Радостная пора

Тейман по велению Иядидьи, отца, приехал на Кармель к Ситри, чем весьма порадовал последнего. Назавтра встали оба с восходом и направились осматривать виноградники. Тем временем заря простерла свои лучи на красоты Кармеля, и те пробудили радость и веселье от ночного сна. Сборщики и сборщицы винограда разом запели озорную песню о любви и вине, что зажигают людей.

На другой день Тейман пришел в виноградники с тремя своими работниками и говорит им: “Видите эти знаки? Они привязаны папирусом к священным ветвям, гроздя с них кладут отдельно, ибо это – самые первые плоды, для коэнов они. Теперь гляньте сюда: одна лоза роскошнее другой. Они доставят благословение жителям холмов и долин. Ветви сгибаются под тяжестью гроздей, полных соком – будущим вином. Будто драгоценные камни искрятся и играют красные ягоды. А вон там, прикрытые свежей листвой, виднеются гранаты и фиги, и вид их торжествующий, словно уже в святой храм внесены. Молодое вино и сок их – служителям Господа. Ну, а оливковые деревья каковы!? Янтарным жиром щедро наполнены их плоды. Чистейшим маслом порадуем Бога, чтоб не обходил благословением нашу землю”.

Сказав это, Тейман с назиданием обратился к сборщикам: “Остерегайтесь греха! Сами ешьте вдоволь, сколько душе угодно, но не гоните прочь обездоленных, если придут сюда, чтобы насытиться и забыть накоротко тяготы и страдания. Человеку полезно почаще думать о том, что есть у него сверх необходимого, и о несчастях, что могут случиться в будущем. Кто знает, что вас завтра ждет? Что если судьба распорядится дурно и найдет голод и нищету на детей ваших? Тогда и они пойдут по чужим виноградникам с протянутой рукой. Наполняйте корзины, и на ветвях оставляйте немного плодов. Они для бедных – пища, а для вас – жертва Богу”. Труден путь поучений, но юный наставник неутомим.

Так и мелькают ловкие умелые руки молодых сборщиков и сборщиц. Шутят и балагурят за работой. И для детворы дело нашлось: опорожняют наполненные корзины и перекалывают гроздь в глиняные горшки, которые носильщики ставят себе на широкие плечи и несут на винодельню.

Крестьяне степенно ведут беседу.

– Выйдет чистым и красным вино, как утренний восток, как драгоценный рубин, – говорит один.

– Напиток сей будут вкушать в Божьем храме, вся сладость солнца в нем, – подхватывает другой.

– Слава вину, что веселит и Бога и людей! Оросят священные струи жертвенник Господу. Живительная влага разбудит забытую страсть в сердцах тех, чья молодость позади, и вернет их на ложе любви, – вторят крестьянам давитьщики.

Настал полдень. Утомились виноградари, побросали корзины и разлеглись в тени – попить, поесть да набраться сил. Хоть не умолкает смех, и нескончаемо веселье, но чинно все и достойно, и не слышать срамных шуток. Там отрок, цепляясь за листья, влез на пальму, сорвался вниз, но не ушибся – и все хохочут. А вот девушка, притворно сердясь, бежит за юношей, что шепнул ей что-то на ухо. В руках ее спелая гроздь. Споткнулся проказник, упал, и настигла его кара. Преследовательница догнала шутника, сдвинула руками гроздь, и лицо его окрасилось алым соком. И вновь все хохочут. Сбор винограда – радостная пора, а в урожайный год люди становятся отзывчивыми и добрыми.

Нежная Роза

Тейман расхаживает по винограднику, наблюдает за работой. Видит: незнакомая девушка подбирает с земли осыпавшиеся виноградины, и нет ей дела до шума и веселья вокруг. А если и улыбнется, то лишь на мгновение, и улыбка, добавив прелести чудным чертам, едва лишь коснется розовых губ, словно легкий ветерок шевельнет лепестки лилии. И ясные ее глаза вновь подернутся извечной грустью-тоской бедности. Тейман любит дивной, прежде невиданной красотой, и не отводит взгляда, и сердце его гулко стучит. Не в силах сдвинуться с места, стоит, словно громом пораженный.

Думает Тейман: “Это чудо достанется на радость сыну бедняка. Мне Господь уготовил почет, богатство и достойную невесту, дочь важного сановника. Прошу тебя, Господи, отдай эти блага другим. Почет дай властителю, богатство – щедрому, а на дочери вельможи пусть женится тот, кому по вкусу золото, шелка и кружева. Мне нужна эта девушка, которую не променяю и на царскую дочь. Довольно мне виноградника и малого надела на твоей огромной земле, и шалаша на ней, чтобы жить в нем с моей единственной. Да, так просто, Господи, ты сотворишь счастливейшего человека на земле”. Столь тверды первые шаги юношеского порыва – кажется, на всю жизнь их силы довольно.

Глубоко-глубоко погрузился в размышления Тейман и не спросил девицу, кто она такая будет, и кто отец и мать ее. Тут появился один из его работников и говорит, что сборщики и крестьяне зовут Теймана на трапезу, чтоб сказал благословение к хлебу и вину, а они бы благословили его самого. И Тейман благословлял и принимал благословения, а как вернулся на прежнее место, видит: девушка исчезла. Стал искать ее повсюду, и не нашел. И на другой и на третий день все искал, но красавицы след простыл.

Горестно у Теймана на сердце, душа жаждет того, что утрачено. Но доколе предаваться отчаянию? Нет для человека ничего хуже печали, она до смерти доводит. Чтоб утешиться, отправился на охоту со своими работниками. Видит, на вершине горы Кармель пасется стройный олень. Голова красавца увенчана прекрасными рогами, и несет он их достойно и гордо, словно новоиспеченный царь – корону. Олень услышал голоса и помчался, что есть духу, ладный и легконогий, играючи огибает камни и уступы. Бежит, останавливается, озирается по сторонам, и вновь вперед, и скрылся за деревьями, и оставил позади посрамленных охотников.

Тейман отпустил своих спутников, стал бродить по лесу и сбился с пути. Принялся звать людей – нет ответа, никто не слышит. Тейман все идет и идет, сам не зная куда, то влево, то вправо свернет. Вдруг увидел впереди, белое платье развевается на ветру. Уподобившись оленю, помчался за белым пятном вдаль. Добежал, и о, чудо: перед ним – пропавшая девица!словно луч яркого света пробивается из тени деревьев – так сияет простой ее наряд. Неподдалеку виднеется хижина, втиснутая в расщелину горы.

Девушка испуганно отступила на шаг.

– Не бойся, красавица, я не сделаю тебе дурного, – первым заговорил Тейман, – коли Господь подарил мне встречу с тобой, прошу тебя, верни то, что взяла.

– Чем я согрешила, господин мой, – спросила девушка, и слезы потекли по ее щекам, – в жизни чужого не брала. В винограднике твоём я не ела гроздей и с собой не унесла. Только опавшие ягоды подбирала. Мы с матерью собираем на полях и в садах оставшееся после сбора урожая. Этим кормимся.

– Кто твоя мать, и какого племени отец?

– Мать моя филистимлянка, отца я не знаю, а какого он племени – известно матери.

– А где живете вы с матерью?

– Вот в этой хижине. Сейчас матери нет здесь, через три дня вернется.

Я отвечала тебе, господин, теперь ты ответь мне, зачем испугал меня, зачем требовал вернуть, что не брала?

– О, бесконечно много ты взяла у меня в тот день, что впервые увидел тебя. Безмятежность – лучшее достояние души – ты унесла, вестница любви.

– Что я для тебя? – спросила девица, не понимая высоких слов.

– Весь мир! – выпалил Тейман, снял с пальца кольцо и протянул его девушке, – как зовут тебя?

– Люди вокруг называют меня Роза.

– Удивительно подходит тебе это имя! Знай же, нежная Роза, – вдохновенно продолжил юноша, – драгоценный сапфир в кольце – это твой чистый лик. Накрепко вправлен в кольцо прекрасный камень, навечно пленен моим сердцем чудный образ. Одного из двух я хочу: возвысить тебя до моих богатых палат, или самому спуститься в эту бедную хижину.

А простодушная Роза все не поймет слов юноши, и с восхищением и удивлением смотрит на него.

– Как ты добр, господин! Но хижина эта тесна для троих. Да и зачем тебе бежать из столичных дворцов в безлюдное место? Вот через три дня вернется мать, и услышим, что ответит тебе, а я без нее не знаю.

“Она не из тех простушек, чья наивность служит корысти”, – подумал Тейман и, не сдержавшись, поцеловал девушку.

– Милая Роза, я приду к твоей матери, а пока укажи мне путь, как выйти отсюда на дорогу и как вернуться на это место.

Роза указала тропу, что ведет к дому Ситри. Тейман ушел, и душа его не терпит: скорей бы миновали три дня.

Разочарование

Через два дня Ситри приготовил урожай винограда и стал торопить Теймана: пора возвращаться в Иерусалим. Ранним утром сложили лучшие плоды в золотые и серебряные бочонки, укрепили груз на спинах ослят и тронулись в путь.

Впереди каравана неспешно шагает огромный бык, тяжело ступая копытами. Великолепны его золоченые рога. На голове, словно драгоценная корона, блестит веночек из оливковых ветвей – пусть видят, кто есть царь среди прирученных людьми зверей. Он всех превосходит силой и более других полезен человеку, бороздя и бороня землю. Он завершил свой тяжкий труд под ярмом и умиротворенно смотрит на долины и холмы. Земля удивительно плодородна,

но без его помощи не вырастили бы крестьяне славный урожай, оттого и кормили быка досыта: ешь, сколько угодно. Сейчас путь его лежит в святой Иерусалим. Как с честью он покончил свой труд, так достойно завершит свою жизнь. Богу и людям посвящена смерть жертвенного быка. Лучшее мясо и жир полагаются кознам, служителям Господа, остальное – украсит стол хозяев бывшего труженика.

Караван прошел часть пути, и Тейман говорит своим работникам: “Двигайтесь, не торопись, а я вернусь на Кармель, закончу дела и к вечеру догоню вас”.

Тейман оседлал мула и повернул в сторону Кармеля. Вот и знакомая хижина. Увы, нет ни Розы, ни матери ее. Теймана встретила неизвестная старуха.

– Филистимлянка, мать Розы, что жила тут, велела вернуть тебе вот это. Камень выпал из кольца и никак нельзя вправить его на место.

– Где же Роза и мать ее? – в отчаянии возопил Тейман, – скажи, заплачу тебе, сколько пожелаешь.

– Это мне неизвестно, господин. Знаю лишь, по словам филистимлянки, что они не вернутся.

Не солоно хлебавши, ушел Тейман, понурился. Что произошло? Он не знает. Догнал караван, и вскоре прибыли все в Иерусалим. Иядидья, как и положено, возложил на жертвенник особые плетеные корзины, полные лучших первых плодов. Тейман стоял при сем мрачен и молчалив, и о кручине своей никому ничего не сказал. Безмолвна глубокая печаль.

Глава 6

*На ложе моем, по ночам, искала я того,
кого любит душа моя...*

Песнь песней 3,1.

Канун праздника

Четырнадцатый день месяца Тишрей, канун осеннего праздника Суккот. Тамар сидит в своей комнате у открытого окна. Пройдет кто мимо из слабых мира сего – вдова, сирота, чужеземец или просто бедный человек – одарит его Тамар деньгами: пусть у всех будет праздник. А потом укажет путь на гумно и в отцовские винные погреба. Там распоряжаются Тейман и Зимри, раздают просителям хлеб, молодое вино и оливковое масло.

Входит Тирца в сопровождении слуги, который несет пять роскошных мужских платий, сшитых по ее указу для Амнона, спасшего Тамар.

– Хорошо, что предупредила меня, дочь, что твой спаситель из Бейт Лехема такого же сложения и роста, как этот юноша. Примерили одежду на слугу – ему впору. Повесь наряды в твоей комнате, пусть сей дар дожидается будущего своего обладателя.

– В пять праздничных одежд ты оценила мою жизнь, – смеется Тамар.

– По душе придется пастуху подарок, он не нашивал прежде богатых одежд, – сказала Тирца.

– А эти тридцать новых кафтанов снеси ученикам пророков, – обратилась Тирца к слуге, – отдай им и на словах прибавь, что они приглашены к нам на завтрашнюю трапезу. Надеюсь, красивая одежда не затемнит вид мудрости.

Тирца ушла, а Тамар развесила в своей комнате богатые дары для возлюбленного Амнона, вновь уселась у окна, и с прежним рвением продолжила раздавать милостыню и благословлять благодетельствованных.

В комнате появляется Азрикам.

– Деньги раздавать – не для твоих нежных ручек занятие, – обращается Азрикам к Тамар, – и с простонародьем толковать не о чем. Наслушаешься грубых речей от жалких людей.

– Будь столь любезен, Азрикам, – возражает Тамар, – объясни мне, зачем надобно унижать и срамить бедняков? Они сотворили зло? Убили? Ограбили? Нищета и бедствия зачастую происходят из честности и прямоты. Только бездушный не поможет страждущему, лишь твердое, как камень, сердце не растопят горячие слезы обездоленных.

– Им по вкусу дармовой хлеб – вот и вся их нехитрая подноготная. Обеднели от лени и безделья. Леность сладка и заменяет все блага. Я этому не попушу. Кто не трудится, тому и кусок не положен. Без труда тело разлагается, как стоячая вода. А посему я велел домоуправителю моему Ахану сперва подать нищим, зато потом принудить их к труду и взыскать с каждого всемеро. Выигрыш двойной: и работу с них получил, и от дома отвадил.

– Несчастные не стучатся в твои двери, боясь змеиных жал, что за дверями притаились, – говорит Тамар. – Вот осмелеют люди, откроют рот, и услышишь: “В чем уступаем тебе, Азрикам? Говоришь, нерадивы мы? А твои, господин, великие труды, каковы? Чем воздаешь ты за богатство, коим благословил тебя Господь? Сытно ешь да сладко пьешь – только и всего! На пустое брюхо не жалуешься, этим нас и превосходишь”.

– Не говори устами жалких и убогих и не учи и не учись непочтительности. Ведь я как-никак благородной крови, да и тебе не чужой, – с обидой произнес Азрикам.

– Ах, если бы почет делал человека лучше! Однако прости. И ответь, зачем поспешил явиться к нам на праздник? Подразнить меня?

– Дома делать нечего. И тебя увидеть не терпелось. Все твоего расположения ищу, да, видно, не заслужил. Ты груба со мной, ибо знаешь: красота тебя сбережет, и дерзкого слова не услышишь в ответ.

Говоря это, Азрикам обнял Тамар.

– Обида моя – на самого Господа, – продолжил Азрикам, удерживая Тамар, – одарил он тебя чудной прелестью и красотой и тем связал мой язык.

– Оставь меня, – презрительно вскрикнула Тамар, освобождаясь, – и у меня обида на Бога: зачем Он позволил любить меня такому, как ты!?

– Как мне добиться твоей любви?

– Возненавидь меня!

Помрачнел Азрикам.

– Боже, дай мне силу разлюбить тебя, и – конец страданиям!

– Прими совет: поменьше смотри на меня и побольше слушай. Вмиг ярость разгорится и спалит ненавистные пути. Вот и освободишься!

– Совет не годится. Не смотреть на тебя я не в силах, и нет во мне гнева, не то воздал бы тебе сторицей за поношение, что терплю. Поругание же достоинства – отомщу. Еще до брака с тобой возьму себе других жен и буду любим и обожаем, и, глядишь, тебя, Тамар, на путь разума наставлю, научишься благородную особу почитать. Обижать легко, сносить обиды – мука.

– Не удивил меня. Пусть так. С помощью жен твоих лучше пойму благородную особу, вроде тебя. Но до этого еще далеко. А сейчас сделай милость, исчезни с глаз, ибо не по силам мне бремя твоего благородства. Душа отдохновения просит.

– Хоть и привык я, что досаждаешь мне с тех пор, как узнал тебя, а нынче не стало мочи терпеть. Уж полгода минуло, как спаслась от львиных когтей, да, видно, заместо страха в тебе поселился бес. Лютость дикого зверя пустыни правит тобой.

– Вот и оставь меня одну, как пустынного зверя.

Горько размышляет Азрикам: “Дикие звери среди людей приручаются, а люди, живя с людьми, становятся дикими”. Он ушел в гневе и обиде, оставив Тамар наедине с ее мыслями.

“Великий Боже, если Тебе под силу обратить тьму в свет, сделай так, чтобы Азрикам разлюбил меня”, – думала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.